

Глава 31

Мороз стоял такой лютый, что принесенная рыба застыла в мгновение ока, превратившись в ледяные бруски. Ли Цинжуй, приняв улов, взвесил его в руках и довольно крякнул:

— Ух, тяжелая!

Цзян Липин и его люди, предвкушая сытный обед, уже суетились у огня, подготавливая кипяток, чтобы поскорее очистить рыбу. Пока Цзян Цун отогревал у костра задеревеневшую сеть, Ли Цинвэнь подошел ближе.

— Старший брат Цзян, а ловить рыбу опасно? Научишь меня в следующий раз?

Тот поднял голову. Заметив, как поблескивают глаза мальчишки, он понял, что юноша просто беспокоится за него, и мягко улыбнулся:

— Вот отогреем сеть, и я возьму тебя с собой.

Раз его готовы взять, значит, дело не слишком рискованное. Ли Цинвэнь радостно закивал:

— Вот и славно! А то я всё переживал, что припасов у нас маловато. Если наловим побольше, рыба станет нам отличным подспорьем.

— Ты о чем это? — Ли Маоцюнь, как раз укладывавший просохшие кирпичи у стены, разогнул спину. — У нас же еще целых три мешка зерна. Если экономить, надолго хватит.

Ли Цинчжо, укутавшись в одеяло и выставив наружу лишь половину лица, глухо отозвался из своего угла:

— Только в одном мешке гаолян. Всё остальное — семена.

— Чего? — Ли Маоцюнь опешил. — Зачем переть семена в такую даль? Впрочем, их ведь тоже можно пустить в кашу...

— Вряд ли получится, — Ли Цинвэнь виновато поморщился. — Там пятьдесят цзиней семян сладкого сорго, а остальное и вовсе семена овощей.

— И на кой нам столько овощных семян? — дядя решительно не понимал логики племянника. — К весне, как лед сойдет, мы уже домой отправимся. Зачем тебе тут огород городить?..

Договорив, он осекся. Посмотрел на Цзян Цуна и остальных, и понимание отразилось на его

лице.

— А, так это ты для них привез...

Ли Цинвэнь кивнул. Путь до границы был слишком долг, чтобы везти тяжелые грузы, но семена — вещь незаменимая. С ними можно вырастить и хлеб, и овощи, а земли здесь, в бескрайних северных краях, было больше, чем людей.

Стоило заговорить о семенах, как юноша заметно воодушевился. Он подбежал к углу, развязал один из мешков и, достав несколько свертков в промасленной бумаге, принялся с гордостью их демонстрировать:

— Я скупил в уезде всё, что нашел: лук, редьку, капусту, пастушью сумку... Лавочник божился, что скороспелая капуста дает урожай всего через месяц. Вот сложим кан, поставим пару коробов и сразу же посадим первую зелень.

Мальчик обернулся к Цзян Цуну:

— Старший брат Цзян, а в твоём Хунчжоу растет сладкое сорго? Из него получается густой, сладкий-пресладкий сироп. Его и в блюда добавлять можно, и просто так лакомиться. Если посадим его, вам больше никогда не придется горевать из-за нехватки сахара!

Ли Цинвэнь весело расписывал прелести будущего урожая, а в комнате внезапно воцарилась тишина. Каторжане молчали. Когда их приговорили к вечной ссылке, они радовались лишь тому, что избежали плахи, но сама мысль о том, что остаток дней им придется влачить в этом диком, замерзшем краю, лишала их воли к жизни. Они думали лишь о том, как бы протянуть еще один день.

И этот тринадцатилетний мальчишка, казалось, вовсе не замечал всего ужаса их положения. Он всем сердцем стремился сделать их жизнь в этих суровых краях хоть немного светлее и теплее.

Цзян Цун почувствовал общую тяжесть на сердце, но, глядя в сияющие глаза подростка, серьезно ответил:

— Я ведь совсем не умею заниматься огородом...

— Так я тебя научу! — Ли Цинвэнь так и расцвел. — Это же проще простого! Куда легче, чем рыбу ловить или на зверя ходить.

— Хорошо, — пообещал мужчина с таким видом, будто соглашался на дело государственной важности.

Хотели они того или нет, но им предстояло пустить корни в этой земле. Новая жизнь уже началась, и каждый шаг на этом пути был важен.

Как только сеть просохла, Ли Цинвэнь, сияя от радости, увязался за Цзян Цуном к реке. Ли Цинжуй из любопытства и легкой тревоги пошел следом.

У самого берега утренние проруби уже успели затянуться ледяной коркой. Юноша, прижимая к груди сеть, спрятал руки в широкие рукава и притоптывал на месте, пытаясь согреться. В обычных матерчатых туфлях ноги замерзали мгновенно, и только благодаря тому, что его обувь была заботливо оторочена кроличьим мехом, он еще мог стоять на снегу.

Пока братья пробивали лед, Ли Цинвэнь не скучал: он расчистил небольшой пяточок земли от снега и принялся собирать сухую траву. Здешние сорняки росли густо и высоко; корни их намертво вмерзли в почву, но стебли ломались легко, и вскоре мальчик собрал приличную охапку.

Когда пришло время закидывать сеть, он послушно отошел подальше — старшие и близко не подпускали его к кромке льда. Ли Цинжуй, ухватившись за край снасти, вдруг почувствовал сильные толчки.

— Неужто так много?! — воскликнул он, не веря своим глазам.

Цзян Цун кивнул:

— В этой реке рыбу отродясь не ловили.

Это и понятно — людей в этих краях было раз-два и обчелся.

Когда сеть вытянули на лед, рыба в ней отчаянно забилась. Ли Цинвэнь невольно подумал, что эти рыбины куда бодрее него — он-то, укутанный в три слоя одежды, и пошевелиться толком не мог.

На обратном пути, когда они уже подходили к конюшне, юноша вдруг за что-то зацепился ногой и кубарем полетел в сугроб. Снег был мягким, так что ушибиться он не успел, но стоило ему попытаться подняться, как он понял, что споткнулся о человека, лежащего в холщовой одежде. В голове мальчика мгновенно пронеслись картины из страшных историй о разбойниках и брошенных телах, и по спине пробежал холодок.

Цзян Цун быстро поднял застывшего от испуга Ли Цинвэня. Тело несчастного было засыпано снегом, а в воздухе отчетливо запахло крепким перегаром.

— Это Старина Син, конюх, — коротко бросил мужчина.

Пока Ли Цинвэнь забирал рыбу, Цзян Цун и Ли Цинжуй подхватили старика и занесли в дом. Распахнув его лохмотья, они увидели, что грудь его почти не вздымается. Ли Цинчжо, мгновенно отбросив одеяло, выбежал наружу, набрал полный таз снега и принялся изо всех сил растирать грудь и конечности старика.

— Сколько же он выпил... Уснуть в такой мороз — верная смерть. Еще полчаса, и спасать было бы некого.

Ли Цинчжо трудился до изнеможения, пока руки не отказали. Лежащий на полу человек едва дышал, казалось, следующая минута станет для него последней. Ли Цинжуй и Цзян Цун сменили товарища. Они растирали тело конюха так яростно, что едва не содрали кожу, пока тот наконец не издал тихий стон и не приоткрыл глаза.

Он еще не осознал, что только что заглянул в пасть смерти, и, продолжая мелко дрожать, прохрипел:

— Вина... Дайте глоток...

Старина Син был мертвецки пьян, так что нравоучения читать было бесполезно. Его просто укрыли потеплее и оставили просыпаться. Всё же живая душа, нужно было присмотреть за ним, пока хмель не выветрится.

Пойманную рыбу ошпарили кипятком, разделали на крупные куски и замариновали с солью и небольшим количеством алкоголя. Стоило Ли Цинвэню плеснуть в чашку немного вина для готовки, как старик подхватился, ведомый знакомым ароматом. Узнав, что едва не замерз насмерть, он ничуть не смутился, а лишь хитро прищурился:

— Рыбку тушить собрались? Добавьте-ка туда соленой редьки, будет отличная закуска к чарке.

Старина Сунь добродушно усмехнулся:

— И то верно. Где там твое вино? Пойду принесу.

Яркое пламя лизало дно глиняных горшков. Вскоре по дому разлился густой аромат тушеной рыбы, чей бульон стал белым, как молоко. Насыщенный запах прогнал остатки холода, и в каморках стало шумно и весело. Люди разбились на небольшие кучки, усаживаясь за трапезу.

Правда, вина на столе не было — только чашки с кипятком. Конюх растерянно моргнул:

— Так я это... у меня же под кроватью целая кубышка была...

Старина Сунь с улыбкой указал на горшок с рыбой:

— Вся она здесь! Если хочешь, могу еще юшки подлить.

Чуть богу душу не отдал, а всё туда же — пить! Каторжане, не сговариваясь, решили припрятать алкоголь, чтобы Старина Син больше и капли не увидел. Осознав, что его лишили забавы, он вздохнул, выпил две миски рыбного бульона и больше просить не стал.

С того дня старик стал их постоянным гостем. Впрочем, приходил он не с пустыми руками: то лепешек принесет, то пару корзин сушеного навоза. Здесь, в пограничных пустошах, на десятки ли вокруг не было ни одного приличного дерева — только кустарник да трава. Строительный лес солдаты возили издалека, так что для костра сухих дров было не сыскать. Коровий да конский навоз в этих краях ценился на вес золота — вернее него от холода ничто не спасало.

Ли Цинвэнь и его спутники прибыли поздно, когда всё уже укрыло снегом, и собирать топливо стало тяжким трудом. Приходилось каждый день отправлять людей на поиски хоть какой-нибудь ветоши.

Ли Маоцунь и Ли Цинжуй, засучив рукава, принялись за строительство кана. Старина Син, увидев это чудо, тоже захотел себе такую лежанку. Цзян Липин согласился без долгих раздумий, но в ответ бесцеремонно подселил к нему в комнату несколько своих людей. Когда сложили первый кан, стало ясно, что места для всех в двух каморках теперь точно хватит.

В маленьких комнатах не только обустроили лежанки, но и сложили у входа обогревательные стены в полчеловеческого роста. Стоило разжечь огонь в очаге, как и кан, и стены начали отдавать приятное тепло. Лежать на такой постели было одно удовольствие — тело прогревалось насквозь в считанные мгновения.

С появлением очага мир внутри каморки и снаружи стал разительно отличаться. Цзян Липин и его товарищи, едва добравшись до нагретого кана, словно прирастали к нему — спускались только по нужде или поесть.

Люди лежали в тепле, ведя неспешные беседы:

— Слыхал я, тут и в апреле снег метет. Думал, не дотяну до весны, но этот кан — просто спасение. Кабы не он, коченеть бы нам тут в конюшне.

Ли Маоцунь кивнул, всё еще чувствуя холодок от воспоминаний о дороге:

— Я-то думал, в нашей деревне зимы лютые, а тут... Мороз просто нечеловеческий. Племянники предупреждали, да я не больно-то верил.

Старина Син, разнежившись на тепле, уже начал клевать носом. Пробудившись ненадолго, он вставил:

— Место это проклятое. На днях двое солдат уши отморозили — кровь даже выступить не успела, так ледышками и отвалились. Не увидел бы сам — ни в жисть не поверил бы.

Но тут голос старика стал серьезным:

— Зимы-то мы в тепле как-нибудь пересидим. Вот когда потеплеет — тогда настоящая беда начнется.

— Это почему же? — хором спросили слушатели.

— Как солнце пригреет, так всякая гадина полезет: змеи, гнус... Здешний комар лютый, укусит — и волдырь с кулак. А коли не повезет, так и помереть можно. Когда мы только пришли сюда, каждый день по несколько человек выносили — от насекомых загибались, — старик вздохнул. — Земля тут жирная, спору нет, да только выжить на ней ох как непросто.

— Да ладно тебе! Коль голову на плахе не оставили, считай, жизнь в подарок получили! — воскликнул кто-то из каторжан. — В нашем положении каждый прожитый день — уже удача.

Многие согласно закивали. Им некуда было отступать; чтобы выжить, оставалось лишь стиснуть зубы и идти до конца.

Ли Цинвэнь тоже полюбил кан, но кожа у него была нежной, и на раскаленных кирпичках он долго усидеть не мог. То и дело он переползал подальше от жара, поближе к Цзян Цуну. Так и выходило, что каждое утро он просыпался, закинув ноги на старшего брата Цзяна.

Остальные лишь посмеивались:

— Ты бы уж сразу на нем гнездо свил, чего мучаешься.

Юноша, уже привыкший к их подначкам, ничуть не смутился. Он весело спрыгивал на пол и принимался поливать короба с землей.

С тех пор как в доме стало тепло, овощи пошли в рост. Прошло всего несколько дней, а из земли уже проклюнулись первые нежно-зеленые ростки. Конечно, этой зелени не хватило бы и на один зубок взрослому мужчине, но сам вид живых растений, упорно растущих посреди ледяной зимы, дарил людям надежду.

Человек всяко сильнее крохотного семени. И если беззащитное зернышко смогло пустить корни в пограничной глуши, то и они справятся — выстоят и заживут на этой суровой земле.